Ф. И. ТЮТЧЕВ

Избранные Стихотворения

Вступительная статья

В. В. ТЮТЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

Ф. И. ТЮТЧЕВ – ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Избранные Стихотворения

Вступительная статья
В. В. ТЮТЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк 1952

Printed in the U.S.A.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нам не забыть его, седого старика,
С улыбкой едкою, с душою благосклонной.

А. Апухтин

Но муза, правду соблюдая,
Глядит, а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая,
Томов премногих тяжелей.

А. Фет

Мы не забыли поэта и хотим дать читателям возможность насладиться красотой поэзии Тютчева, облеченной в сжатый и красочный стих.

Краткий критико-биографический очерк даст читателю, впервые знакомящемуся с творчеством Тютчева, возможность почувствовать его целостную раздвоенность, проникнуть в тайну «как бы двойного бытия» его души и его поэзии.

* * *

Федор Иванович Тютчев родился 23/XI—5/XII 1803 года в родовом имении Тютчевых Овстуг (в б. Орловской губ. Брянского уезда). Он был вторым ре-

бенком в семье. Отец его, Иван Николаевич Тютчев, был человеком рассудительным, благодушным и простым в обращении. Мать поэта, Екатерина Львовна (рожд. Толстая), была женщина умная, очень впечатлительная и религиозная.

В 1812 году к сыновьям был приглашен воспитателем преподаватель русской словесности Университетского пансиона, Семен Егорович Раич, человек начитанный и образованный.

Будущий поэт с детства отличался любознательностью, поразительной легкостью в усвоении знаний, передаваемых ему его учителем, и увлекался античной поэзией. Поощряемый Раичем, он и сам рано начал писать стихи.

Самым ранним, дошедшим до нас стихотворением Тютчева, является его перевод «Послание Горация Меценату». Этот перевод был представлен Раичем в 1818 г. в Общество любителей Российской словесности, и Общество избрало четырнадцатилетнего подростка своим сотрудником.

В том же году Тютчев поступил в Московский университет, где по отзывам сверстников (Погодин) отличался «редкими, блестящими дарованиями», но, одновременно, — «нерадением и небрежностью».

В университетские годы Федор Иванович написал «Уранию» и ответ на стихотворение Пушкина «Ода на вольность».

Осенью 1821 года, вскоре после окончания университета, Тютчев поступил на службу в Государственную Коллегию Иностранных Дел и уже летом 1822 года был командирован заграницу. Там суждено ему было провести с небольшими перерывами 22 года.

Первые 14 лет своего заграничного пребывания Тютчев прожил в Мюнхене, где духовная жизнь в то время была очень интенсивна. Тютчев сблизился с Шел-

лингом, подружился с наезжавшим в Мюнхен Гейне и с другими немецкими поэтами и учеными того времени.

В 1826 году Федор Иванович женился на вдове Э. Ф. Петерсон (рожд. гр. Ботмер). В 1833 году, сжигая ненужные бумаги, он бросил в камин тетрадь со стихами, и таким образом большинство стихотворений того периода безвозвратно погибло.

В 1835 году поклоннику таланта Тютчева и племяннику русского посла, кн. И. С. Гагарину удалось получить у Тютчева тетрадь его стихов для напечатания на родине. Полученную связку стихотворений Гагарин передал кн. Вяземскому и Жуковскому. Оба пришли в восхищение от стихов Тютчева и показали их Пушкину. Пушкин в то время начал издавать журнал «Современник», и в третьем номере этого журнала (в 1836 году) появилось 16 стихотворений под общим заглавием «Стихотворения, присланные из Германии». Вместо имени их автора стояли инициалы «Ф. Т.» Это и была первая встреча поэта с русскими читателями.

В 1837 году Тютчев был переведен по службе в Турин и в следующем году понес тяжелую утрату: умерла его жена. Смерть жены, по словам современников, встречавшихся с ним в то время, страшно поразила поэта: «Он поседел и был в состоянии, близком к отчаянию».

Это, однако, не помешало Тютчеву уже через несколько месяцев влюбиться и жениться вновь на Эрнестине Федоровне Дернгейм (рожд. бар. Пфеффель). Вскоре за самовольную отлучку, Тютчев был уволен со службы и снова уехал в Мюнхен, на этот раз в качестве частного лица.

Посещение Праги в 1841 году оставило глубокий след в душе Тютчева, сказавшийся на его политической поэзии и укрепивший его симпатии к славянофильству. В Праге написано его стихотворение «Вековать ли нам в разлуке».

Впрочем, весь этот период, вплоть до отъезда, на этот раз окончательного, в Россию, в творческом отношении был скуден: за всё это время он едва ли написал два стихотворения; оба стихотворения — «Есть в светлости осенних вечеров» и «С какою негою» — были напечатаны в «Современнике» в 1840 году. Внимание Тютчева в это время было поглощено политическими событиями; это нашло свое выражение в форме политических стихотворений, в письмах и памфлетах, как например, в ответе на появившуюся тогда книгу Кюстина.

В Петербурге Тютчев, этот «выходец с Запада», как его прозвали, пришелся одинаково по вкусу как западникам, так и славянофилам.

В 1846 году Тютчев вновь поступает на государственную службу и двумя годами позже назначается старшим цензором при Министерстве иностранных дел, где он держал, по его словам, «не арестантский, а почетный караул».

Привыкнув к мягкому климату Западной Европы, поэт с трудом переносил тяжелый петербургский и даже средне-русский климат и телом всегда стремился к теплому югу, душой же и духом он стал окончательно принадлежать Северу.

Застой его поэтического творчества, однако, продолжался, и только события 1848 года дали новый толчок, разбудив его творческую стихию. Но это пробуждение пока не выходило за пределы чисто политической поэзии, обширной переписки с друзьями и статей, одна из которых — «Папство и римский вопрос» — без ведома автора была напечатана в «Ревю де де монд» и обратила на себя внимание политических кругов Западной Европы.

Другое событие, личного порядка, вскоре вновь пробудило в Тютчеве поэта-лирика. Поэт познакомился с Е. А. Денисьевой, классной дамой института, где

воспитывались его дочери. Это знакомство сыграло в его жизни исключительную роль. «Любовь Тютчева, — как писал позже Брюсов, — была не мимолетной страстью, но могущественным чувством, которому он остался верен до самой кончины. Можно даже сказать, что то было самое яркое страстное чувство, испытанное им в жизни». К этому именно периоду относится целый цикл стихотворений, из которых и поныне наиболее известны «Последняя любовь», «Чему молилась ты», «О, как убийственно мы любим»...

Смерть любимого существа (в августе 1864 года) была тягчайшим ударом для Тютчева и вместе с тем моментом нового поэтического подъема, не покидавшего его уже вплоть до самой его смерти.

В этот период наступающей старости Тютчевым созданы едва ли не лучшие из его стихотворений — «Весь день она лежала в забытьи», «Есть и в моем страдальческом застое», «Вот бреду я вдоль большой дороги», «Ночное небо так угрюмо», «По дороге во Вщиж», «Как хорошо ты, о море ночное»...

После двух апоплексических ударов — в январе и в июне 1873 года, Тютчев уже не мог оправиться и 15-го июля того же года скончался.

Биограф Ф. И. Тютчева, И. С. Аксаков («Русский Архив», 1874 г.), так характеризует Тютчева: «Ум сильный и твердый при слабодушии и при бессилии воли, доходящей до немощи... Ум зоркий и трезвый при чувствительности нервов почти женской, раздражительности, воспламененности... Ум деятельный, не знавший ни отдыха, ни истомы, при совершенной неспособности к действию... Ум постоянно голодный, пытливый, серьезный, сосредоточенно-проникновенный... Душа ненасытно жаждущая наслаждения, волнений, рассеяния, страстно отзывавшаяся на впечатления текущего дня. Дух — мыслящий, неуклонно сознающий ограниченность человеческого ума... Это был пламень, мгновенно

пожиравший всякое встречавшееся ему или им самим творимое явление мысли и непрерывно сам от себя возгоравшийся».

Этим блестящим человеком восхищались все его современники, остроты его повторялись, письма его ходили по рукам в списках так же, как и его памфлеты. Правда, роман поэта с Денисьевой был встречен в обществе неодобрительно. С Тютчевым, однако, в конце концов примирились. Этому не в малой степени способствовал сам поэт, его душевная чистота, благодушие и полное пренебрежение к земным благам, славе и почестям.

Душа поэта была всегда одержима могучими страстями, с которыми трудно было справиться его слабой воле. Эта страстность, вечное борение между темными и светлыми стихиями, в котором находила отражение борьба космоса-хаоса, вносили разлад в его душу и создавали раздвоение во всем его существе. Считая человеческое существо частью видимого и невидимого мира, Тютчев стремился постичь сущность бытия, биение жизни, уверенный в том, что те же стихии, что терзают человеческую душу, присутствуют во всех явлениях вселенной. Вот это вечное борение противоположных сил в результате является источником некой гармонии вселенной, создавая «гармонию в стихийных спорах».

Эту особенность души и творчества Тютчева очень глубоко почувствовал Владимир Соловьев, в 1895 году написавший о Тютчеве, что «сам Гете не захватил, быть может, так глубоко, как наш поэт, темный корень мирового бытия, не чувствовал так сильно и не сознавал так ясно ту таинственную основу всякой жизни — природной и человеческой, — основу, на которой зиждется смысл космического процесса и судьба человеческой души, и вся история человечества. Здесь Тютчев действительно является вполне своеобразным и, если не

единственным, то, наверное, самым сильным во всей поэтической литературе. В этом пункте ключ ко всей его поэзии».

В своем творчестве Тютчев перегнал свой век, как по содержанию, так и по форме, близкой к импрессионизму. Вот только один из многих примеров новизны тютчевских образов: про утренний солнечный луч поэт говорит — «Румяным, громким восклицаньем раскрыл он шелк ресниц твоих». В век романтизма этот утонченный символизм поэта еще не мог быть воспринят широким читателем.

Этим, повидимому, можно объяснить, что не только широкая публика осталась холодной к самому ценному в творчестве Тютчева, но прошли мимо его поэзии и многие критики того времени.

Первыми ценителями и издателями Тютчева были поэты и писатели. Именно они первые почувствовали глубину его поэтических творений и тайный смысл его символики. Кроме упомянутых выше Вяземского, Жуковского и Пушкина, честь открытия Тютчева, как поэта, принадлежит Некрасову и Тургеневу. Рассказывая о пушкинском «Современнике», Некрасов, продолжатель этого литературного начинания, писал в 1850 году: «...с третьего же тома в 'Современнике' начали появляться стихотворения, в которых было столько оригинальности мысли и прелести изложения, столько, одним словом, поэзии, что казалось, только сам издатель журнала мог быть автором их. Но под ними весьма четко выставлены были буквы Ф. Т. и носили они одно общее название «Стихотворения, присланные из Германии».

А Тургенев («Современник», апрель 1854 г.), высказывая радость по поводу того, что этот журнал впервые собрал воедино напечатанные в разных номерах этого журнала стихотворения Тютчева, рекомендовал его, как «одного из самых замечательных наших

поэтов, как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина». И тут же Тургенев добавил: «...мы скажем более: в наших глазах, как оно не обидно для самомнения современников, г. Тютчев, принадлежащий к поколению предыдущему, стоит решительно выше всех своих собратьев по Аполлону... На одном Тютчеве лежит печать той великой эпохи, к которой он относится и которая так ярко и сильно выразилась в Пушкине».

Упомянутая выше статья Вл. Соловьева вновь пробудила интерес к Тютчеву, и с этого времени, т. е. с конца девяностых годов прошлого века, популярность его стала расти, с каждым годом охватывая всё более широкие круги читателей.

Плеяда поэтов-символистов, во главе с такими ее старшими представителями, как Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов, не только знали наизусть стихи Тютчева, но не уставали изучать каждый его образ.

В заключение — одно личное воспоминание: в дни моей собственной юности я как-то встретил вечно бродившего по полям, лугам и рощам нашего соседа по имению, будущего поэта Николая Гумилева. В руках у него, как всегда, был томик Тютчева. «Коля, чего Вы таскаете эту книгу? Ведь Вы и так ее знаете наизусть?» «Милый друг, — растягивая слова, ответил он: — а если я вдруг забуду и не дай Бог искажу *его* слова, это же будет святотатство».

Творчество Тютчева срослось с его личностью и выражает его думы, душевные переживания и его философию так, как их переживал и мыслил поэт. Как бы ни были они порой разнообразны и противоречивы, они вмещались в нем, оттеняя многогранность его личности.

Раздвоенность сознания порождала противоречивые выводы. В минуты страдальческого сомнения она приводила к готовности смириться:

Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть. —

В минуты отчаяния поэт договаривался до холода последнего знания:

И нет в творении — Творца,
И смысла нет в мольбе!

Питающие всё творчество Тютчева бушующие и умиренные стихии ищут выражения в мифе. Вот откуда мифотворческая сила поэта, органически рождающийся символизм, с такой яркостью запечатленный даже в политическом стихотворении «Море и утес».

Поэт сливается с природой, и у него естественно деревья поют, луна очаровывает мглу, солнечный луч громко восклицает, и тьма гремит.

Оставляя в стороне первые опыты Тютчева — подражания Державину, — вся тональность его творчества своеобразна и самобытна. Своеобразность стиля выражается, между прочим, в постоянном употреблении параллелизма душевных переживаний человека и стихийных явлений природы.

По своей ясности, целомудренной сдержанности словесного выражения Тютчев, оставаясь самостоятельным, близок Пушкину: оба поэта правдивы и искренни до конца. Пушкин более классически обозначен и ясен, Тютчев — утонченнее и сложнее; Пушкин всегда конкретен, Тютчев более устремлен к отвлеченному —

Увы, что нашего незнанья
И беспомощней и грустней?

Сдержанность выражения, в сочетании с волнующим содержанием, придает стихам Тютчева удивительную образность, особенно в изображении природы:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Даже пребывая в состоянии покоя и умиротворения, природа живет напряженной жизнью («Чародейкою зимою»). С тем большей экспрессией описывает поэт обновление жизни весной, когда гром «как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом». Поэт призывает людей влиться в этот праздник обновления, «в сей животворный океан».

Любовь и связанные с нею переживания являются другим мотивом, занимавшим внимание поэта. Большинство стихотворений, посвященных этому чувству, тесно связано с личной жизнью Тютчева, полюбившего «на склоне лет» —

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но не скудеет в сердце нежность...

Особого напряжения достигают в стихах этого цикла чувства, связанные с потерей любимого существа:

О, Господи! и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось!

Не менее видное место в творчестве Тютчева занимает человек во всем осознании ограниченности его знания —

А я здесь в поте и пыли,
Я, царь земли, прирос к земли!

Ограничена даже, казалось бы, свободная мысль человека — «О, смертной мысли водомет». Ограниченность разума не дано преодолеть и интуиции, стремящейся заглянуть в тайну мироздания:

Мы скоро в небе устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Нет, человек не царь, а всего лишь «грёза природы», крупица этой природы, вот отчего он и подвластен действию темных и светлых стихий, проносящихся во вселенной. Отсюда вечная двойственность человеческой души:

О вещая душа моя,
О сердце полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!

Являясь крупицей мироздания, человек, как и все другие явления, подчинен его законам, принадлежит этому «всему», самая жизнь его рождается от этого «всего». Это, близкое индусской мудрости, мировоззрение Тютчева получило свое выражение в строчке «Всё во мне и я — во всём», которая, по словам Гольденвейзера, так поразила Льва Толстого, что он не мог без слез читать ее...

С особой силой свои искания высшего смысла Тютчев выразил в стихотворении «По дороге во Вщиж»:

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грёзою природы.

Народ-нация подвержен тем же непреложным законам, что и человек-индивидуум. Так же, как и чело-

век, народ имеет свою душу, на которую влияют темные и светлые стихии; тем же таинственным роком очерчен и предел достижений народа. Отсюда политическая мистика Тютчева, его смутные предчувствия, пророческие предвидения, высказанные поэтом в целом ряде так называемых политических стихотворений. Большинство их по существу не являются поэтическими произведениями, а скорее мыслями, выраженными в форме стиха. Две стихии пытаются определить жизнь народа: космос — организованный порядок, и хаос — взрывы революции. Эти две стихии представлены в стихотворени «Море и утес». Прекрасно изображены светлые силы народа в стихотворении

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Поэзия Тютчева произвела большое впечатление на музыкантов. Правда, большинству своих современников он остался чужд. Два романса на стихотворения Тютчева «Ты знаешь край» и «Как над горячею золою» — написал Чайковский; ему принадлежит и дуэт «Слезы». Кюи написал романс и хор на слова «Сияет солнце, воды блещут», Направник — хор «Зима не даром злится».

Подлинный отклик лирика Тютчева нашла у композиторов более позднего времени: Танеев, Рахманинов, Черепнин, Гречанинов, Ребиков, недавно скончавшийся Метнер и другие — написали свыше ста разных музыкальных произведений в большинстве своем вокальных, хотя есть среди них и произведения для рояля, скрипки и для оркестра. Ограничусь перечнем наиболее известных. Рахманинову принадлежат романсы

«Весенние воды», «Всё отнял у меня», «Фонтан», «Сей день я помню» и «Ты знал его». Гречанинов написал романс «Слезы», «Еще томлюсь тоской желаний», «Молчание», «Полдень», «Не знаю я, коснется ль благодать», «Последняя любовь» и хор «Весна идет».

Литературное наследие Тютчева не исчерпывается настоящим сборником его стихотворений. Его письма, столь блестящие по форме и содержанию, еще ждут своего исследователя.

В. В. Тютчев

А. Н. М.

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок всё опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников, их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным!..

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков...
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков!

О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь, — сам опыт в том порукой, —

Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденьи веселей,
Чем наяву томиться скукой
В убогой хижине твоей!..

13 декабря 1821 г.

СЛЕЗЫ

O lacrimarum fons...
Gray[1]

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов, между листами,
Благоухающий рубин.

Люблю смотреть, когда созданья
Как бы погружены в весне,
И мир заснул в благоуханьи,
И улыбается во сне!..

Люблю, когда лицо прекрасной
Зефир лобзаньем пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести Пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святый источник слез,
Роса божественной денницы!..

---

[1] О источник слез... *Грей.*

Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.

И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами —
Туман рассеется слезами,
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823 г.

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог — увы! — умилостивить их:
Он служить им укорою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодеянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне;
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горé духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огнь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824 г.

ПРОБЛЕСК

Слыхал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полуночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшися, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!

Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но, ах, не нам его судили...
Мы в небе скоро устаем —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон.
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

Середина 1820-х гг.

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной,
И в звучных листьях замер он...

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень...

1826

САСНЕ-САСНЕ[1]

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне послышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

---

[1] Игра в прятки *(франц.)*.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

1826 (?)

ВИДЕНИЕ

Есть некий час в ночи всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах;
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах.

1828 — 1829

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

1820-е гг.

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой —
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый рок настиг,
И мы, в борьбе с природой целой,
Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли —
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали.

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,

А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло.

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас.

1820-е гг.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды...

1820-е гг.

СНЫ

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь, и звучными волнами
    Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн.
Прилив растет и быстро нас уносит
    В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
    Со всех сторон окружены.

Конец 1820-х гг.

СОН НА МОРЕ

И море, и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лавиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тва́рей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижный сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

Конец 1820-х гг.

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

Конец 1820-х гг.

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами,
И задымилася гора
С своими черными тенями.

Едва в трепещущих листах
Перебирается прохлада,
Звонок пасущегося стада
Почти замолк на высотах.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем, как полусонный,
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полдневной опочил, —

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

Конец 1820-х гг.

К N. N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь —
Когда, в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь и не краснеешь!

Всё тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям, и судьбе
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих младых ланит, —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть!.. в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

Конец 1820-х гг.

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них.

Конец 1820-х гг.

Душа хотела б быть звездой, —
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

Конец 1820-х гг.

Ты зрел его в кругу большого света —
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум, —
Таков поэт — и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог, —
Настала ночь — и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

Конец 1820-х гг.

В толпе людей, в нескормном шуме дня,
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече, —
Душа моя! о, не вини меня!..

Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный, —
Наступит ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

Конец 1820-х гг.

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня всё было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Всё на душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, — мыслил я, — пришли издалека,
Вы сверстники сего былова!»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с брегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной —
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит.

1830

(Дорогой)

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий
Глядит из каждого куста!

1830

(В дороге)

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

1830

УСПОКОЕНИЕ

Гроза прошла — еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сивый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалася,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

1830

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предвестье близящихся бурь,
Порывистый и ясный ветр порою...
Ущерб, изнеможенье — и на всём
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

1830

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть век не желтеет,
Но век не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим,
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе —
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.

Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим...
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

1830

MAL'ARIA[1]

Люблю сей божий гнев! Люблю сие, незримо
Во всём разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике, прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима!
Всё та ж высокая, безоблачная твердь,
Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Всё тот же теплый ветр верхи дерев колышет,
Всё тот же запах роз... и это всё — есть Смерть!..

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цвета и голоса —
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки.
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!

1830

[1] Зараженный воздух *(итал.)*.

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздымалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Всё жарче рдея и горя...
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признанье золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!

1830

ДВУМ СЕСТРАМ

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!..

И всё, как в зеркале волшебном,
Всё обозначилося вновь...
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..

1830

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

1830

СТРАННИК

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук созданье,
С разнообразием своим,
Лежит развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога —
Ему отверста вся земля, —
Он видит всё — и славит Бога!..

1830

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьянный конь, о конь морской,
С бледнозеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле;
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав,
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег
И — в брызги разлетишься...

1830

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

1830

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огнь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает, —

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразьи нестерпимом...

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

1830

SILENTIUM![1]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!

1830

---

[1] Молчание! *(лат.)*.

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

С его великою душою
Созвучней всех на нем ты трепетал,
Пророчески беседовал с грозою
Иль весело с зефирами играл.

Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней,
И сам собою пал, как из венка!

1832

Душа моя — элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годины буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных!

Душа моя — элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою?
Меж вами, призраки минувших лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

1832

К ***

Уста с улыбкою приветной,
Румянец девственных ланит
И взор твой светлый, искрометный —
Всё к наслаждению манит...

Ах! Этот взор, пылая страстью,
Любовь на легких крыльях шлет,
И некою волшебной властью
Сердца в чудесный плен влечет.

Начало 1830-х гг.(?)

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? никто не знает ныне.
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Или низвергнут мыслящей рукой?
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса!

15 января 1833 г.

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой;
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшися в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще одна не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834 г.

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей мятет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!

Знакомый звук нам ветр принес:
Любви последнее прости...
За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди!..

«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжалься над своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Всё милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..

— Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час!
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей мятет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

1834 — 1835

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака...

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет...

1-я половина 1830-х гг.

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит, —

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимоле́том
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты, с веселостью беспечной,
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

1-я половина 1830-х гг.

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы —
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...

Чу, за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром...
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток,
В жилах млеет и горит...

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?..
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?..

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?..
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

1-я половина 1830-х гг.

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей,
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет
И смеется над тобой...

1-я половина 1830-х гг.

Вечер мглистый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

1-я половина 1830-х гг.

И гроб опущен уж в могилу,
И всё столпилося вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит.

Вещает бренность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

1-я половина 1830-х гг.

Восток белел... Ладья катилась,
Ветрило весело звучало...
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...

Восток алел... Она молилась,
С чела откинув покрывало, —
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...

Восток вспылал... Она склонилась...
Блестящая поникла выя, —
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

1-я половина 1830-х гг.

Как птичка, с раннею зарей,
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся...
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного Дня...
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О Ночь, Ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век,
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!..

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью,
За новым племенем брести!..

1-я половина 1830-х гг.

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
  Сквозь слез гляжу...

С тоскою мыслю о былом,
И слов в унынии моем
  Не нахожу.

Былое — было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда?..
  Оно пройдет —

Пройдет оно, как всё прошло,
И канет в темное жерло
  За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
  Сей злак земной!..

Он быстро, быстро вянет — так,
Но с новым летом новый злак
  И лист иной.

И снова будет всё, что есть,
И снова розы будут цвесть,
  И терны тож...

Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет.
  Не расцветешь!

Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской,
  То знает Бог...

Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
  Последний вздох.

1-я половина 1830-х гг.

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи...

Там-то, бают, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вилися хороводы
Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели,
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.

И лучами неземными,
Заключен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.

Звезды в небе им внимали,
Проходя за строем строй,
И беседу продолжали
Тихомолком меж собой.

В панцырь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальный гул как бы во сне.

Чуть дремотой забывался,
Гул яснел и грохотал...
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.

Всё прошло, всё взяли годы —
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, — и пароходы
Нынче рыщут по тебе.

1-я половина 1830-х гг.

Зима не даром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет,
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая,
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу,
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

1-я половина 1830-х гг.

Как сладко дремлет сад темнозеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса,
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

1-я половина 1830-х гг.

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Всё выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земли!..

1-я половина 1830-х гг.

Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит —
Он в дол спешит на новоселье...
Я лезу вверх, где ель стоит.

Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь радостен и тих...
Ты к людям, ключ, спешишь в долину —
Попробуй, каково у них!

1-я половина 1830-х гг.

Над виноградными холмами
Плывут златые облака,
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река, —
Взор постепенно, из долины
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит, на краю вершины,
Круглообразный светлый храм.

Там в горном неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче, и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна, —
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

1-я половина 1830-х гг.

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальный гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне и я во всём!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Всё залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

1-я половина 1830-х гг.

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь, и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться...
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

1-я половина 1830-х гг.

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененьи ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не может:
Она всё льется — и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, —
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шопот.

1-я половина 1830-х гг.

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны!..

Весь день в бездействии глубоком,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И, ненароком, на лету,
Набресть на свежий дух синели
Или на светлую мечту...

1-я половина 1830-х гг.

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебль колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редеющего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась.

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает, и целует,
И золотит твои мечты?
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?
Или то женская любовь?

1-я половина 1830-х гг.

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится,
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

1-я половина 1830-х гг.

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик, —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, знать, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь, глухонемой!
Души его, ах, не встревожит
И голос матери самой!..

1-я половина 1830-х гг.(?)

Яркий снег сиял в долине —
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине —
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..

1-я половина 1830-х гг.(?)

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.
Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении — Творца!
И смысла нет в мольбе!

1-я половина 1830-х гг.(?)

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза потупленные ниц,
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья...

1-я половина 1830-х гг.

Вчера, в мечтах обвороженных
С последним месяца лучом
На веждах томно-озаренных,
Ты поздним позабылась сном.

Утихло вкруг тебя молчанье,
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно,
Вдруг что-то порхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало
По темно брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям, —

Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента развеваясь,
Меж пологами развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих.

1836(?)

1 ДЕКАБРЯ 1837

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости —
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее испепелило
В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.

1 декабря 1837

ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA

И распростясь с тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь, —
Блаженной тенью, тенью элисейской,
Она заснула в добрый час.

И вот уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоли,
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.

Попрежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... И сон ее глубок.

И мы вошли... всё было так спокойно,
Так всё от века мирно и темно!

Фонтан журчал... недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно...

. . . .

Вдруг всё смутилось — судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, —
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал.

Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, — увы! — что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?

Декабрь 1837 г.

Давно ль, давно ль, о юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу —
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу!..
Давно ль — хотя без восхищенья ,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пенья
Великих средиземных волн!

И песнь их, как *во время óно,*
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...
Они всё те же и поныне,
Всё так же блещут и звучат, —
По их лазуревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я... Я с вами распростился —
Я вновь на север увлечен...
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...

Здесь воздух колет... Снег обильный
На высотах и в глубине —
И холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом юге,
Еще я вижу вас вдали —
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей,
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!

1837

С какою негою, с какой тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!..
Бессмысленно-нема, нема, как опаленный
    Небесной молнии огнем, —

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц, —
Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
    Сходил на шелк твоих ресниц.

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И матери нежней тебя лелеял он...
Стон замирал в устах, дыханье уравнялось...
    И тих, и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,
    Иль в сон иной бы перешла.

1830-е гг.

АРФА СКАЛЬДА

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоем углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул —
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев?
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

1830-е гг.

ВЕСНА

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины,
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна — она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она.

По небу много облак бродит,
Но эти облака ея:
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы,
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льёт,
И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа, —
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

1830-е гг.

ДЕНЬ И НОЧЬ

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканный
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День — земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами:
Вот отчего нам ночь страшна!

1830-е гг.

НЕ ВЕРЬ, НЕ ВЕРЬ ПОЭТУ!

Не верь, не верь поэту, дева!
Его своим ты не зови
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой,
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всесилен, как стихия,
Не властен лишь в себе самом:
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змеею сердце жалит,
Но как пчела его сосет.

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.

1830-е гг.

ЛЕБЕДЬ

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет...

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

1830-е гг.

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта, —
Не искушай его мечты...

Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив...

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет,
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины мелькнет,

И человеческим сознаньем
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты, —

О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай служить он не умеет, —
Боготворить умеет он.

1840 г.

Глядел я, сто́я над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный Дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый юг...

21 ноября 1844 г.

КОЛУМБ

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело!
Ты завесу расторг всесильною рукой —
И новый мир, неведомый, нежданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С живою силой естества...
Скажи заветное он слово,
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

1844

Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой!
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой!..
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожали ум!..

1848

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848

(Гроза, дорогой)

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальный гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сияньи потонула
Вся смятенная земля.

6 июня 1849 г.

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где теперь туманными очами,
При свете вечереющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!..
О, как теперь без веры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах,
Как брат меньшой, умерший в пеленах...

Ах, нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Всё, чем я жил и чем я дорожил!

13 июня 1849 г.

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

23 июля 1849

Когда в кругу убийственных забот
Вам всё мерзит — и жизнь, как камней груда,
Лежит на нас — вдруг, знает Бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее долы,
Вдруг ветр подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

22 сентября 1849 г.

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей —
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской.

С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна,
И метелью влажной пыли,
Обдавала нас она.

Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал...
Всё звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал.

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум...
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.

Сны играют на просторе
Под магической луной,
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

29 ноября 1849 г.

Вновь твои я вижу очи,
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной — родимый край,
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провевает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад.

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.

Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

Конец 1840-х гг.

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые,
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

Конец 1840-х гг.

Как дымный столп светлеет в вышине!
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

Конец 1840-х гг.

ПОЭЗИЯ

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих зыбей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный элей.

Конец 1840-х гг.

РИМ НОЧЬЮ

В ночи лазурной почивает Рим —
Взошла луна и овладела им,
И спящий град безлюдно-величавый
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —
Всё тот же мир — волшебный, но отживший...

Конец 1840-х гг.

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, —
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали —
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...

Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем,
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольним чадом,
В горнем выспреннем пределе,
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами!

Конец 1840-х гг.

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносилися порой
Все звуки жизни благодатной —
И всё в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье:
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам,
И воцарилося молчанье —
Ходили тени по стенам,
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный Гений
Из пышно-золотого Дня
Увлек, незримый, в царство теней.

Конец 1840-х гг.

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
Льдина за льдиною плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью, в поздней темноте, —
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой...

О нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое *Я*,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

Конец 1840-х гг.

БЛИЗНЕЦЫ

Есть близнецы — для земнородных
Два божества, — то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!

Конец 1840-х гг.

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое.

1850

НА НЕВЕ

И опять звезда ныряет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездою
Он скользит, как бы во сне,
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне...

Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая, как море,
Пышно-струйная волна,
Приюти в твоем просторе
Тайну скромного челна.

Июль 1850 г.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой;

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий мимо саду,
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850 г.

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом,
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И уносит их поток.
Над волной темнолазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

12 августа 1860 г.

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участьем умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850 г.

ГРАФИНЕ Р.

(В ответ на письмо)

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал зарытый, но живой.

И вот, я чую, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне...

Знакомый голос, голос чудный,
То лирный звук, то женский вздох...
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог...

Я спал в оковах тяжкой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской роковой.

Но этот сон полумогильный
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всесильный,
Ко мне на помощь подоспел.

Приязни давней выраженья
Он для меня их уловил
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил...

Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом...
И в замке феи-нелюдимки
Вдруг очутились мы вдвоем.

Вдвоем! — И песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.

1850

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей *всё* пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава Богу!

1850

ДВА ГОЛОСА

I

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги,
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

II

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

1850

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно, —
В этой храмине спокойной,
Где всё тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцаньи полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.

1850

(Дорогой)

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Всё в зарницах трепетало.

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загоралися порою...

14 июля 1850 (или 1851 г.)

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит —
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой
Лесные гнутся исполины,
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаясь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

1850 — 1851

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел, спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где ж всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он.

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья,
Но изменили и оне...

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело...

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

1850 — 1851

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьем молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым;
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной...

О первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа...

Май 1851 г.

НАШ ВЕК

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит.

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

30 июня 1851 г.

ВОЛНА И ДУМА

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной!
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе:
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой!

14 июля 1851 г.

В разлуке есть высокое значенье —
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль будет пробужденье,
А должен, наконец, проснуться человек.

6 августа 1851 г.

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня,
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть,
Но с страстной женскою душой.

1 ноября 1851 г.

Недаром милосердым Богом
Пугливой птичка создана —
Спасенья верного залогом
Ей робость чуткая дана.

И нет для бедной пташки проку
В свойстве с людьми, с семьей людской...
Чем ближе к ним, тем ближе к Року —
Не сдобровать под их рукой...

Вот птичку девушка вскормила
От первых перышек, с гнезда,
Взлелеяла ее, взрастила,
И не жалела, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.

Но как, с любовию тревожной,
Ты, дева, не пеклась о ней,
Наступит день, день непреложный —
Питомец твой неосторожный
Погибнет от руки твоей...

1851

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной,
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

1851

Не знаю я, коснется ль Благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне Благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное Провиденье!..

1851

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. о, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

1851 — 1852

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я сто́ю —
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

1851 — 1852

Чему молилась ты с любовью,
Что как святыню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайн, и жертв, доступных ей.

Ах, когда б живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

1851 — 1852

Я очи знал, — о эти очи!
Как я любил их, знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалося горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

1851 — 1852

Mobile comme l'onde[1]

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, —

Сладок мне твой тихий шопот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

---

[1] Непостоянная, как волна

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет, в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоем.

Апрель 1852 г.

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКОГО

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаяся с тобой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...
О, как они и грели, и сияли —
Твои, поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи...

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —
Он всё в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих первоначальных лет!
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет...

Поистине, как голубь чист и цел
Он духом был, хоть мудрости змииной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто-голубиный.

И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало Божество:
«Лишь сердцем чистые — те узрят Бога!»

Конец июня 1852 г.

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

28 июля 1852 г.

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит,
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован,
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там на западе бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

1853

ЛЕТО 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас!..

Август 1854 г.

Увы, что нашего незнанья
И беспомóщней и грустней?
Кто смеет молвить: *до свиданья!*
Чрез бездну двух или трех дней?

11 сентября 1854 г.

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики —
Я брожу как бы во сне —
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой ловлю...
Слава Богу, я с тобою,
А с тобой мне, как в раю.

10 июля 1855 г.

Так в жизни есть мгновения —
  Их трудно передать,
Они самозабвения
  Земного благодать.
Шумят верхи древесные
  Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
  Беседуют со мной.
Всё пошлое и ложное
  Ушло так далеко,
Всё мило-невозможное
  Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
  И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
  О время, погоди!

1855

О вещая душа моя!
О сердце полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые,
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

4 февраля 1857 г.

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857 г.

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерёв, поимых родником,
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Август 1857 г.

В часы, когда бывает
Так тяжко на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;

Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны, —

Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струею по стенам;

И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...

Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.

Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла,
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

Начало 1858 г.

Она сидела на полу
И груду писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой,
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно-грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Начало 1858 г.

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят.
И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров.
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой.

22 октября 1858 г.

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

I

Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал — и из тумана
Осветил безлюдный край...
  Путь далек — не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край —
  Путь далек — не вспоминай...

II

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
  Огромной тучи снеговой
Синеет даль — с ее угрюмым лесом,
  Окутанным осенней мглой...

Всё голо так — и пусто-необъятно
  В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
  Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
  Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытьи изнеможенья,
  Здесь человек лишь снится сам себе.

Как свет дневной, его тускнеют взоры,
  Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
  В лазурные глядятся озера...

Конец октября 1859 г.

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО

На небе месяц — и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день, —

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством...

Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной.

Декабрь 1859 г.

Е. Н. АННЕНКОВОЙ

И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшебный,
И чуждый нам, и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены.

Мы видим: с голубого своду
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восходу
Другое солнце светит там...

Всё лучше там, светлее, шире,
Так от земного далеко...
Так разно с тем, что в нашем мире,
И в чистом пламенном эфире
Душе так родственно-легко.

Проснулись мы, — конец виденью,
Его ничем не удержать,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,
Жизнь обхватила нас опять.

Но долго звук неуловимый
Звучит над нами в вышине,
И пред душой, тоской томимой,
Всё тот же взор неотразимый,
Всё та ж улыбка, что во сне.

1859

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя,
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как всё удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть...

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам —
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...

10 октября 1860 г.(?)

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь,
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты жизнь, уж призванная к бою,
Ты сердце, жаждущее бурь...

Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь — я ухожу...

Я слышал утренние грезы
И первый, милый лепет дня —
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слезы,
Нет, это всё не для меня...

Но, может быть, в разгаре лета
Вздохнешь ты по своей весне,
И вспомнишь и про время это,
Как про забытый до рассвета
Мелькнувший призрак в первом сне.

25 июля 1861 г.

ПРИ ПОСЫЛКЕ НОВОГО ЗАВЕТА

Не легкий жребий, не отрадный
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.

Ты билась с мужеством немногих,
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.

Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе...

Но скудны все земные силы:
Расвирепеет жизни зло —
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно тяжело.

Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади — и отдохни.

1861

А. А. ФЕТУ

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет, —
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе, хоть молча, скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески слепой:
Они им чуют, слышат воды
И в темной глубине земной...

Великой матерью любимый,
Стократ завидней твой удел:
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

1861

Н. И. КРОЛЮ

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.

И всё для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно, —
Но чья-то песнь вдруг раздалась...

И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел;
Небесный свод поголубел
И вновь подернулся сияньем...

И всё опять зазеленело,
Всё обратилося к весне...
И эта греза снилась мне,
Пока мне птичка ваша пела.

Сентябрь 1863 г.

Н. С. АКИНФИЕВОЙ

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит,
И жизнь и свет внесет с собою,
Всё огласит и озарит;

Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой —
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, —

Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.

Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живей,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.

При ней и старость молодела,
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком.

И самый дом наш будто ожил,
Ее жилицею избрав,
И нас уже менее тревожил
Неугомонный телеграф...

Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы — для прощанья, —
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,

Радушный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей,
И этот длинный тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.

1863

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилося над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Всё в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушных шелк ее кудрей.

1863

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали,
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О как всё это я любила!»

. . . .

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому ещё не удавалось!
О Господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

Август-декабрь 1864 г.

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод,
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая Гора,
Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы всё забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там — в родном краю —
Одной могилой меньше было...

11 октября 1864 г.

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней,
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.

Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

3 ноября 1864 г.

О, этот юг! о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...
Нет ни полета, ни размаху:
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

Ноябрь — декабрь 1864 г.

Как хорошо ты, о море ночное —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдьи ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волненьи, в этом сияньи,
Весь как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаяньи
Всю потопил бы я душу свою...

2 января 1865 г.

Когда на то нет божьего согласья,
Как ни страдай она, любя —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови.

Он милосердный, всемогущий,
Он греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

11 января 1865 г.

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг всё замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу.

О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей;
Ты взял *ее*, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям, и судьбе;

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

1865

Est in arundineis modulatio musica ripis[1]

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

11 мая 1865 г.

---

[1] Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках *(лат.)*.

ДРУГУ МОЕМУ Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Нет боле искр живых на голос твой приветный —
Во мне глухая ночь и нет для ней утра...
И скоро улетит — во мраке незаметный —
Последний, скудный дым с потухшего костра.

30 мая 1865 г.

15 ИЮЛЯ 1865 г.

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив всё, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

15 июля 1865 г.

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня.
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865 г.

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила,
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри, оно уж побледнело, —
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

5 августа 1865 г.

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

18 августа 1865 г.

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем, —

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.

23 ноября 1865 г.

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достославностей былых.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь былое чудно веет
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое былое
Словно дышит в забытьи;
Дремлет сладко, беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

Июль 1866 г.

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья.

14 октября 1867 г.

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Всё стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой, живые, мы глядели?

Июнь 1868 г.

ПОЖАРЫ

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготеет над землей.

Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один:
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло, —
Беспомóщное дитя.

16 июля 1868 г.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869 г.

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река,
И поля дышать на зное.

2 августа 1868 г.

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть смерть, другая — суд людской.

И та, и тот равно неотразимы
И безответственны и тот, и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...

Но смерть честней — чужда лицеприятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью,
Своей косой равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья,
Ревнивый властелин, — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей — увы, двойное горе,
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой.

Когда она, при роковом сознаньи
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаяньи
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей — и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

Март 1869 г.

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Август 1869 г.

Ю. Ф. АБАЗЕ

Так — гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.

В них что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух,
На волю просится, и рвется,
И хочет высказаться вслух...

Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену, и борьбе...

Из тяжкой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...

По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки — *душу живу,*
В них вашу душу слышим мы.

22 декабря 1869 г.

Как нас ни угнетай разлука,
Не покоряемся мы ей —
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.

Пора разлуки миновала,
И от нее, в руках у нас,
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.

И знаем мы: под этой дымкой
Всё то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится — и молчит.

Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.

Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!

Конец 1860-х гг.

К. Б.

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило,
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1870 г.

А. В. ПЛ—ВОЙ

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдет!

Но этой веры *для немногих*
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать, —

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца всё претерпел.

1870

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один, — и пусто всё кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год другой, — и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И что со мной, не сознавая сам...

Бесследно всё, и так легко не быть!
При мне иль без меня — что нужды в том? —
Всё будет то ж — и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

11 декабря 1870 г.

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас,
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, — и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих лишь грезою природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

17 августа 1871 г.

К ОДЕ НА ВОЛЬНОСТЬ ПУШКИНА

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея, —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящею струей,
Как пламень божий, ниспадали
На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою

И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчею
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

1820 г.

ОЛЕГОВ ЩИТ

Молитва магометан

«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных,
Гроза гяуров лицемерных!
  Пророк твой — Магомет!..»

Молитва славян

«О наша крепость и оплот!
Великий Бог, веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
  Свой избранный народ!..»

Глухая полночь. Всё молчит!
Вдруг... Из-за туч луна блеснула
И над воротами Стамбула
  Олегов озарила щит.

1828 — 1829 г.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА

Душой весны природа ожила,
И блещет всё в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...

Давно ль умолк Перун его побед,
И гул от них стоит доселе в мире...

. . . .

. . . .

И ум людей великой тенью полн,
А тень его, одна, на бреге диком,
Чужда всему, внимает шуму волн
И тешится морских пернатых криком.

1820-е гг.

ЦИЦЕРОН

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так! Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты,
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавой!..

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир:
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был,
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

1830

АЛЬПЫ

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят —
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До воссшествия Зари,
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалеет,
Чарам гибельным конец —
Первый, в небе, просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из злата
Вся воскресшая семья!..

1830

Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес,
Прося попутных бурь дыханья
У негодующих небес, —
Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!

Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди:
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,

Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.

Сие-то высшее сознанье
Вело наш доблестный народ —
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!

Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

1831

29 ЯНВАРЯ 1837 г.

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он высшею рукою
В *«цареубийцы»* заклеймен.

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
На зло людскому суесловью,
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И, осененный, опочил,
Хоругвью горести народной.

Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

1837

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!

В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не съединяет их?

1830-е гг.

«СЛАВЯНАМ»

Вековать ли нам в разлуке,
Не пора ль очнуться нам
И простереть друг к другу руки,
К нашим кровным и друзьям?

Веки мы слепцами были —
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.

А случалось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь,
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.

И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло —
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло.

Инородец, иноземец
Нас раздвинул, разломил —
Тех обзъязычил немец,
Этих турок осрамил.

Вот среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж, рукою скромной,
Засветил маяк впотьмах,

О, какими вдруг лучами
Озарились все края!
Обличилась перед нами
Вся славянская земля.

Горы, степи и поморья
День чудесный облистал
От Невы до Черногорья,
От Карпатов по Урал.

Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил —
И с Москвой золотоглавой
Вышеград заговорил.

И родного слова звуки
Вновь понятны стали нам.
Наяву увидят внуки
То, что снилося отцам!

25 августа 1841 г.

МОРЕ И УТЁС

И бунтует и клокочет
Хлещет, свищет и ревет,
И до звезд допрянуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила,
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила,
И пучину взворотила,
И поставила вверх дном?

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской,
С ревом, свистом, визгом, воем,
Бьет в утес береговой, —
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!

И озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.

Но о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час, другой —
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмиреет вновь она,
И без вою и без бою,
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

1848

НАПОЛЕОН

I

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил — и изнемог в борьбе...
Не одолел ее твой гений самовластный!..
Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе...

II

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе орлы парили,
В его груди змии вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет,
И в самом буйстве дерзновений
Змииной мудрости расчет.
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему...

Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл — презритель волн, —
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн.

III

И ты стоял, — перед тобой Россия!
И вещий волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ее судьбы!..»
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой!..
Но новою загадкою в изгнанье
Ты возразил на отзыв роковой...

Года прошли, — и вот из ссылки тесной
На родину вернувшийся мертвец,
На берегах реки, тебе любезной,
Тревожный дух, почил ты наконец...
Но чуток сон — и по ночам, тоскуя,
Порою встав, он смотрит на Восток,
И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя
Передрассветный ветерок.

Конец 1840-х гг.

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

Конец 1840-х гг.

ВЕНЕЦИЯ

Дож Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей...

И недаром в эти воды
Он кольцо свое бросал —
Веки целые, не годы,
(Дивовалися народы)
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...

И чета в любви и мире
Много славы нажила —
Века три или четыре,
Всё могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от *львиного крыла.*

А теперь?..
В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколенья, —
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

Конец 1840-х гг.

НЕМАН

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?..
Один лишь раз, по воле Бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...

Ты помнишь ли былое, Неман?
Тот день годины роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам — могучий, южный демон —
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?..

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —

И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем, и всё стерег
Очами чудными своими...

Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* — стоял и ждал...
И мимо проходила рать —
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...

И так победно шли полки,
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число —
И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

Сентябрь 1853 г.

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

Ложь воплотилася в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье,
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещенье!

О, в этом испытаньи строгом,
В последней, роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...

24 октября 1854 г.

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя.

13 августа 1855 г.

Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.

И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел, и каркнул, и крылами
Замахал он веселей.

И кричит он, и ликует,
И кружится всё над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?

13 августа 1855 г.

1856

Стоим мы слепо пред Судьбою.
Не нам сорвать с нее покров...
Я не свое тебе открою,
А бред пророческий духов...

Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет, —
И вот в железной колыбели,
В громах, родился Новый Год.

Черты его ужасно-строги,
Кровь на руках и на челе,
Но не одни войны тревоги
Принес он людям на земле.

Не просто будет он воитель,
Но исполнитель божьих кар, —
Он совершит, как поздний мститель,
Давно задуманный удар.

Для битв он послан и расправы,
С собой принес он два меча:

Один — сражений меч кровавый,
Другой — секиру палача.

Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон.

31 декабря 1855 г.

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит, и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

15 августа 1857 г.

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
Но своенравна, как оно.

Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь повеет,
И с первым сном она бежит от них.

Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи — нет второй!

Не то от ней присуждено вам было;
Вас юношей настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.

Досужая, она не мимоходом
Пеклась о вас, ласкала, берегла,
Растила ваш талант, и с каждым годом
Любовь ее нежнее всё была.

И как с годами крепнет, пламенея,
Сок благородный виноградных лоз, —
И в кубок ваш всё жарче и светлее
Так вдохновение лилось.

И никогда таким вином, как ныне,
Ваш славный кубок венчан не бывал.
Давайте ж, князь, подымем в честь богине
Ваш полный, пенистый фиал!

Богине в честь, хранящей благородно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно,
И подвиг свой великий доверши!

Потом мы все, в молитвенном молчанье,
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
Трем незабвенно-дорогим.

Нет отклика на голос, их зовущий,
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи —
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..

Так верим мы, незримыми гостями
Теперь они, покинув горний мир,
Сочувственно витают между нами
И освящают этот пир.

За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой чаше
Пускай кипит и искрится оно!..

Конец февраля — начало марта 1861 г.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей,
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей.

Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир, —
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир.

Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...

Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад,
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят!

12 июля 1861 г.

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон...

Осьмой уж месяц длятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в дому молитвы,
В одной руке распятие и нож.

И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла...
Нет, никогда так дерзко правду божью
Людская кривда к бою не звала!..

И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова —
Всё поднялось и всё грозит тебе,

О, край родной! — такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Август 1863 г.

ENCYCLICA[1]

Был день, когда Господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм,
И, собственным мечом своим заколот,
В нем издыхал первосвященник сам.

Еще страшней, еще неумолимей
И в наши дни — дни божьего суда —
Свершится казнь в отступническом Риме
Над лженаместником Христа.

Столетья шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темные дела,
Но не простится правдой Бога
Его последняя хула...

Не от меча погибнет он земного,
Мечом земным владевший столько лет, —
Его погубит роковое слово:
«Свобода совести есть бред!»

21 декабря 1864 г.

---

[1] Энциклика *(лат.)* — папское послание.

НА ЮБИЛЕЙ М. В. ЛОМОНОСОВА

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но Бог недаром в нем сказался —
Бог верен избранным своим...

Сто лет прошли в труде и горе —
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...

Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...

И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя Правды и Науки
Здесь *память вечную* гласим.

Да, велико его значенье —
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещенье,
Не нас поработил ему, —

Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Начало апреля 1865 г.

ВОСХОД СОЛНЦА

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?

Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и долы,
Спят города, и дремлют селы...
Но к небу подымите взор.

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она всё ярче, всё живее —
Вся разгорается она!

Еще минута, — и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей...

29 июля 1865 г.

Небо бледноголубое
Дышит светом и теплом,
Что-то радостно-родное
Веет, светится во всём.

Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит
И торжественные флаги
Зыбью тихою струит.

Чистым пламенем, спокойно,
По ночам горят огни...
Очарованные ночи,
Очарованные дни...

Словно строгий чин природы
Предан был на эти дни
Духу жизни и свободы,
Духу света и любви.

Словно ввек ненарушимый
Был нарушен вечный строй
И любившей, и любимой
Человеческой душой .

В этом ласковом сиянье,
В этом воздухе живом
Чье-то чуется дыханье,
Чей-то слышится прием.

И немое умиленье
С благодатью чистых слез
К нам сошло, как откровенье,
И во всех отозвалось.

Небывалое доселе
Понял вещий наш народ,
И *Дагмарова неделя*
Перейдет из рода в род.

17 сентября 1866 г.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

28 ноября 1866 г.

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять,
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, —

Спаси тогда нас, добрый Гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготовленный им пир;

От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет,
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор,
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Сентябрь 1866 г.

НА ЮБИЛЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА

Великий день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Что скажем здесь перед отчизной,
На что б откликнулась она?

Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим —
Народный праздник и семейный?

Какой пошлем тебе привет —
Тебе, наш добрый, чистый Гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?

При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души
Высокой и ко благу страстной —

Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась,
Но на призывный божий голос
Неудержимо к цели шла?

Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой —
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,

Умевший всё совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Всё человечески-благое,
И русским чувством закрепить, —

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

30 ноября — 1 декабря 1866 г.

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом,
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Всё гуще мрак, всё пуще горе,
Всё неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда...

20 декабря 1866 г.

ДЫМ

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес,
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.

Лучи сквозили, трепетали тени,
Не умолкал в деревьях птичий гам,
Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог взывал по временам.

На перекрестках, с речью и приветом,
Навстречу к нам, из полумглы лесной,
Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чуялось нездешнее созданье,
Но близок был нам этот чудный мир.

И вот опять мы к сказочному лесу
С привычною любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу?
Спустил ее от неба до земли?

Что это? призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Ленивый, вялый, бесконечный дым!

Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни.

Нет, это сон, — вот ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет,
Всё тот же лес — волшебный и родной.

26 апреля 1867 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена два доллара

